

Cancel Culture within the Framework of New Media's Memorial Discourse: A Critical Analysis

Olga V. Kotunova

Lomonosov Moscow State University; Tomsk State University. Moscow, Tomsk, Russia.
Email: [kotunovaov\[at\]gmail.com](mailto:kotunovaov[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4026-4168>

Received: 13 September 2023 | Revised: 8 October 2023 | Accepted: 14 October 2023

Abstract

The article addresses the issue of historical memory transformation in the digital era. Its aim is to critically analyze the “cancel culture” as a tool for shaping and transmitting historical identity in the digital realm and beyond. The realm of new media where the cancel culture phenomenon emerged, is selected as the field of research. Consequently, the article seeks to bridge conceptual topics in memory studies with media theory.

New media exhibit significant differences from traditional media, influencing a shift in discursive rules and leading to the reorganization of discursive spaces. The traditional vertical paternalistic discourse structure is replaced by a horizontal, rhizomatic one, and the rigid dichotomy between the author and the reader dissipates. These shifts in discursive rules bring about changes in discursive practices, impacting not only discourse itself but also the broader social fabric, including the realm of historical memory. Digitalization introduces novel forms of memory existence while retaining some traditional functions like identity formation.

New media serve as platforms for identity formation, offering opportunities for constructing and continuously reassembling identities. This article views “cancel culture” as a symbol of this reassembly, acting both as a mode of expression and a source of identity. The critical analysis underscores both the negative and positive aspects of cancel culture, elucidating its paradoxical nature and frequency in contemporary reality.

Keywords

Cancel Culture; Memory Studies; Digital Memory Studies; Media Theory; New Media; Media Memory; Identity; Digital Identity; Discourse; Discursive Practices

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Культура отмены в структуре мемориального дискурса новых медиа: критический анализ

Котунова Ольга Владимировна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Томский государственный университет. Москва, Томск, Россия. Email: kotunovaov[at]gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4026-4168>

Рукопись получена: 13 сентября 2023 | Пересмотрена: 8 октября 2023 | Принята: 14 октября 2023

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформации исторической памяти в условиях цифровизации. Цель статьи — представить критический анализ культуры отмены (cancel culture) как одного из инструментов формирования и трансляции исторической идентичности в цифровом пространстве и за его пределами. В качестве исследовательского поля выбрано пространство новых медиа, где зародился феномен культуры отмены. Задача статьи, таким образом, состоит в сближении концептуальных сюжетов исследований памяти и теории медиа.

Новые медиа существенно отличаются от традиционных СМИ, и их различия диктуют смену дискурсивных правил, а следовательно, предполагают реорганизацию дискурсивного пространства. Вертикальная патерналистская структура дискурсов уступает место горизонтальной ризоматической, в то время как жесткая оппозиция «автор — читатель» распадается. Смена дискурсивных правил влечет за собой смену дискурсивных практик. Изменения затрагивают не только дискурсивное, но и социальное пространство, в том числе пространство исторической памяти. Цифровизация прошлого влечет за собой новые формы существования памяти. При этом сохраняются некоторые традиционные функции, такие как, например, формирование идентичности.

Новые медиа выступают площадкой складывания идентичностей — предоставляют возможности для их строительства и перманентной пересборки. Это осуществляется, среди прочего, за счет обращения к памяти, функционирующей в новом режиме. Культура отмены рассматривается в статье как маркер такой пересборки — одновременно и способ манифестации, и источник исторической идентичности. В ходе критического анализа выделяются как негативные, так и позитивные характеристики культуры отмены, объясняется ее парадоксальность и закономерность в условиях новой реальности.

Ключевые слова

культура отмены; исследования памяти; исследования цифровой памяти; теория медиа; новые медиа; медиапамять; идентичность; цифровая идентичность; дискурс; дискурсивные практики

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Культура отмены (cancel culture) — значимый социальный феномен, современная форма протеста и один из радикальных способов морального регулирования, когда объект отмены (человек, группа людей, организация или бренд) подвергается активному осуждению за поступки или взгляды, оцененные группой активистов как недопустимые.

Феномен культуры отмены появился несколько лет назад и получил наибольшее распространение в новых медиа, но последствия кэнселлинга (так называют непосредственно процесс осуждения) вышли далеко за пределы медиапространства. Речь довольно быстро перестала идти об одном лишь бойкоте в социальных сетях: сегодня исследователи фиксируют у объектов отмены не только символические, но и реальные репутационные и финансовые потери (Demsar, 2023), а цифровые протесты перерастают в уличные акции. В этом смысле культура отмены признается эффективным инструментом управления реальностью — на это указывает тот факт, что, возникшая стихийно, она в короткие сроки оказалась ангажирована и вошла в арсенал политической борьбы (Phelan, 2023).

В основе кэнселлинга лежит индуктивная эссенциальная логика, согласно которой субъект действия и совершенный им поступок не просто связаны между собой, а находятся в неразрывном единстве. Потому представления о недопустимости совершенного поступка переносятся непосредственно на субъект действия. В результате такого переноса провозглашается отмена — субъект действия становится объектом кэнселлинга и должен ощутить на себе последствия объективации, такие как, например, изменение режима видимости, лишение права голоса и любых форм поддержки. Потому, невзирая на благие намерения по селективной работе в области культуры, кэнселлинг оказывается существенным шагом в сторону от общечеловеческих культурных достижений (правовых, социальных и гуманитарных), подрывая представления о необходимости презумпции невиновности, толерантности и реального плюрализма взглядов и суждений.

В исследовательской среде к настоящему моменту преобладают негативные оценки этого феномена, подкрепленные содержательной критикой (Clark, 2020; Bouvier & Machín, 2021); мы же попытаемся отказаться от содержательной критики в пользу критики формальной. Цель статьи — представить критический анализ культуры отмены как одного из инструментов формирования и трансляции исторической идентичности в цифровом пространстве и за его пределами. Такое сужение кажется оправданным, поскольку в ограниченном исследовательском поле позволяет выявить амбивалентность культуры отмены и благодаря этому указать на более общие проблемы трансформации социального пространства.

Феномен культуры отмены является лишь симптомом тех метаморфоз, которые претерпело общество за последние десятилетия. Мы продемонстрируем их на примере изменений в области медиа и памяти. Задача статьи, таким образом, состоит в сближении концептуальных построений в области исследований памяти и теории медиа. Для этого далее мы рассмотрим социально-критические замечания, предвосхитившие появление новых медиа, и существенные отличия новых медиа от традиционных СМИ, выступающие предпосылками не только для возникновения феномена культуры отмены, но и для трансформации мемориального пространства. Обсудим роль цифровизации в возникновении новых форм существования памяти и особенности формирования исторической идентичности под влиянием этих процессов. Такой подход должен заострить внимание на специфических характеристиках культуры отмены: с одной стороны, показать, что позволяет ей выступать одновременно и способом манифестации, и источником новой формы исторической идентичности, а с другой — приблизиться к пониманию и объяснению ее парадоксов и закономерностей в условиях новой реальности.

Культура отмены и новые медиа: несбывшиеся надежды, старые проблемы

В чем существенное отличие новых медиа от традиционных СМИ? Обычно в числе знаков отличия называют такие характеристики, как «ускорение», «погружение», «интеграция», «тотальность» (Manovich, 2003; Friedman & Friedman, 2008). Информационные потоки, создаваемые новыми медиа, действительно расширились и ускорились: сегодня информация поставляется, обрабатывается, потребляется и устаревает намного быстрее. Срок актуальности новостных сообщений все более сокращается, а объем присутствия человека в информационном поле, наоборот, возрастает. Если раньше информационное пространство было размечено сначала периодичностью выхода свежих номеров газет, потом расписанием выпусков новостных радио- и телепередач, то теперь границы вовсе исчезли — человек погружен в бесконечную, автоматически обновляемую, всегда актуальную новостную ленту на многочисленных экранах — своего телефона, компьютера, телевизора, информационных табло в общественном транспорте и супермаркетах.

С тех пор как Маршалл Маклюэн в 1964 году опубликовал свою работу «Понимание медиа», представив медиа как расширение и продолжение человека, интеграция людей в информационное пространство лишь углубилась. Сегодня некоторые маклюэновские идеи выглядят намного более актуальными, чем на момент публикации. Например, его замечание касательно устранения пространственных и временных границ в большей степени характерно для цифровых и беспроводных форм вещания, чем для знакомых Маклюэну аналоговых: «Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою

центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты» (2003, с. 5).

Д. де Керкхоф относит к прорывным и опережающим свой век также идеи о технологической симуляции сознания, представленной сегодня в виде нейросетевых разработок, об отчужденном коннективном сознании — гибких ассоциациях индивидуальных мнений, отсылающих к трендам и флешмобам в социальных сетях, а также о глобальной деревне — протообразе интернет-сообщества в целом (2013, с. 252–257).

Все вышесказанное представляется верным, но по-прежнему не дает ответа на вопрос, действительно ли новые медиа качественно отличаются от традиционных СМИ или просто являются их гиперболизированной версией. Мы видим указание на ответ в другой мысли Маклюэна: «...Когда новая технология расширяет одно или несколько наших чувств, вынося их вовне, в социальный мир, то в этой культуре формируется новое соотношение всех наших чувств» (2001, с. 61). Если медиа соединяет в себе технологический и культурный аспекты, то следом за технологическими изменениями действительно должны следовать и культурные. В рамках теории медиа мы предполагаем, что культура организована дискурсивно, потому эти изменения предполагают и изменение порядка дискурса.

Мы солидарны с В. Савчуком, который усматривает в теоретической конфигурации новых медиа постструктуралистское наследие и выделяет две принципиальные новации: во-первых, в новых медиа постулируется отказ от просветительской парадигмальной рамки диктата единого дискурса в пользу ризоматической структуры постоянных рекомбинаций и пересборок, а во-вторых, в результате таких пересборок конструируется не образ реальности, а реальность как таковая (2013, с. 202). Обе новации важны для нашего понимания культуры отмены как продукта новых медиа, поэтому обсудим их подробнее.

Концепт ризомы был сформулирован Ж. Делёзом и Ф. Гваттари как желательная и необходимая оппозиция капиталистической культуре, отказ от патерналистского порядка и власти тотального (2010, с. 6–46). Децентрированная структура должна была расколдовать субъект-объектную реальность, сообщить пассивным элементам структуры отчужденную прежде активность и стать гарантом свободы. В этой мысли Делёз и Гваттари были близки другим постструктуралистам: следуя той же логике, Р. Барт критиковал идею авторства (1989, с. 384–392), а М. Фуко — дискурсивные практики современности (1996, с. 47–96).

В новых медиа эти идеи нашли конкретное воплощение. Цифровое пространство организовано ризоматически, и новые медиа представляют собой ограниченные участки сети акторов, активность которых служит залогом жизнеспособности, популярности и эффективности медиа. Если традиционные СМИ ориентировались на покупательную способность своей аудитории непосредственно, то в новых медиа этот интерес опосредован и может быть

замещен другими формами пользовательской активности, включая прямое участие в формировании информационной повестки (Pressman, 2014). Пользователь новых медиа может не только выступать в классической роли реципиента, но и проявлять активность как источник, автор, эксперт, дистрибьютор информации. Так новые медиа стирают границы между автором и читателем (зрителем, слушателем), делая возможной вторую новацию — пересборку (гипер)реальности как образа без оригинала (Бодрийяр, 2015, с. 20–23).

Пересборка может осуществляться пассивно, путем селекции информационных потоков — например, подбором источников для новостной ленты на персональном устройстве — или активно, посредством постинга в личных или публичных блогах, комментариев, реакций, поддержки флешмобов и т. д. Так или иначе, формируемая, или же пересобираемая, реальность представляет собой не что иное, как микронарратив — частично альтернативный, частично совпадающий с тем, что принято называть объективной реальностью. На окончательное познание ее постструктуралисты потеряли надежду и предложили вместо этого саморегулирующуюся систему фрагментарной реальности, в основе которой должен лежать плюрализм языковых игр (Lyotard & Thebaud, 1985, p. 54).

Итак, в новых медиа вертикальная патерналистская структура дискурсов уступила место горизонтальной ризоматической, в то время как жесткая оппозиция «автор — читатель» распалась. Пользователь новых медиа выступает в двойной роли; сама структура подталкивает его к активной пересборке реальности. Это и есть смена дискурсивных правил, которая свидетельствует о переходе к иному дискурсивному режиму, а значит, влечет за собой появление новых дискурсивных практик.

Культура отмены может быть рассмотрена в качестве одной из таких практик. Она рождается в ризоматическом пространстве ограниченного участка сети и распространяется между активной группой заинтересованных пользователей. Взятая как форма, она представляет собой микронарратив с определенными и разделяемыми всеми пользователями правилами языковой игры. С помощью этого микронарратива пользователи осуществляют пересборку (гипер)реальности, среди прочего исключая из нее объект отмены, меняя его режим видимости или режим доступа к нему. Поскольку по определению (гипер)реальность воспринимается как образ без оригинала, пользователи воспринимают ее объективно и непосредственно. Последнее позволяет преодолевать границы медиапространства и предъявлять конкретные требования за его пределами — например, отказываться от покупок вещей определенного бренда, требовать переименования улиц или сноса памятников, посвященных проблематичным фигурам.

Все это объясняет, почему культура отмены может стать примером практики нового дискурсивного порядка и по своей формальной организации отвечает логике новых медиа. Однако теперь следует задаться вопросом, какие

новые характеристики памяти делают культуру отмены практикой, релевантной также и новому мемориальному пространству.

Культура отмены и цифровизация мемориального пространства: новая память и новая идентичность?

Как мы заметили ранее, смена дискурсивных правил влечет за собой смену дискурсивных практик, а следом за этим меняется и сам дискурс. Изменения затрагивают не только дискурсивное, но и социальное пространство — в том числе и пространство коллективной и/или исторической памяти. В этой части статьи мы рассмотрим некоторые особенности цифровизации мемориального пространства, соотнесем их с замечаниями касательно новых медиа и сделаем некоторые выводы относительно культуры отмены.

А. Ф. Павловский дает следующую емкую характеристику цифровизации и способа ее осмысления: «Сущность цифрового поворота в гуманитарных науках заключается в признании того, что цифровая реальность стала синонимом социальной. Цифровое теперь производит социальное, а социальное — цифровое: это вечный двигатель, чьим топливом служит “новая нефть” человеческих отношений, а выхлопными газами — big data, на основе которой киберисторики напишут самую подробную летопись наших запросов и тайных желаний» (2023, с. 7).

Социальное пространство не просто удвоилось, разделившись на привычную нам объективную и новую цифровую реальности. В результате этого удвоения в очередной раз оказались стерты границы, по которым мы могли бы с легкостью судить о характере изменений и их последствиях. Мир трансформировался, а значит, исследователи вновь должны поставить вопрос: насколько наши знания о прежней его версии релевантны по отношению к новой? Неудивительно, что актуальное состояние исследований памяти в киберпространстве описывается как «методологическая оторопь» (там же, с. 14).

Тем не менее, вызов новой реальности не остался без ответа, а методологическая оторопь не стала препятствием на пути к формулированию новых подходов, и уже сейчас для рассмотрения коллективной и/или исторической памяти в условиях цифровизации предлагается использовать ряд объяснительных моделей — например, «коннективная память», «глобитальная память», «цифровой архив», «сети микротемпоральностей», «алгоритмизация цифровой памяти» и т. д. Перечисленные концепции легко рассматривать как взаимодополняющие и работающие в ансамбле. Рассмотрим их подробнее.

Коннективность как одно из основополагающих свойств культуры, необходимое для функционирования в ней коллективной памяти, выделил еще Я. Ассман (2004, с. 15–17). У него принцип коннективности служит залогом сохранения и развития культуры, которая воспроизводит саму себя в акте творческого повторения — одновременно узнаваемом и уникальном. Соче-

тание узнаваемого и уникального, традиции и новации, стабильного и динамичного в коннективном повороте современности предстает в виде бесконечной интерактивной реконфигурации глобального и локального. Мемориальное пространство в условиях цифровизации расширяется до универсума, стираются пространственные границы, а вместе с ними — границы устойчивых групп, выступавших до этого носителями коллективной памяти. Им на смену приходят более свободные и нестабильные ассоциации, сосуществующие в разных режимах и образующие палимпсест — разнородное полифоническое пространство глобальной памяти. В связи с этим Э. Хоскинс даже говорит о конце коллективной памяти, которая под влиянием процессов глобализации распалась до памяти множеств (2017а, р. 92).

В свою очередь, Э. Ридинг для этих процессов предлагает использовать особый термин — «глобитальность», а современность именовать «веком глобитальности» (2016, р. 46–50). Глобитальность — это совокупность процессов глобализации и цифровизации, благодаря которой универсализация социального пространства, в том числе мемориального, наконец-то была завершена, хотя результаты этой универсализации до сих пор остаются неоднородными. Неологизм сложился из слов «глобитальность» и «бит», причем первое слово терпит разрыв, посредством которого включает в себя последнее, и этот разрыв представляется значимым. На пути к единству глобальный мир переживает перманентные разрывы, осуществляемые локальными множествами в поисках собственных границ.

Упомянутые концепции поддерживаются идеей «архивной памяти» и представлением об интернете как о «цифровом архиве». Сегодня в Сеть могут быть загружены немислимые ранее объемы информации, что делает современность самой задокументированной и подробно описанной эпохой. С одной стороны, это свидетельствует о демократизации мемориального пространства, в котором получают право высказывания самые разные голоса — те самые локальные множества. С другой стороны, возникает эффект шумного зала, в котором все говорят одновременно, и потому ни один из голосов не слышен отчетливо. Это не только затрудняет процесс историзации прошлого как рефлексивного обобщения, но и ставит под вопрос спрос на такие обобщения. Если раньше он обуславливался потребностью в компактном хранении и передаче информации, то в условиях существования подручного и всегда доступного архива такая потребность неочевидна. Обилие информации влечет за собой обилие стратегий обращения с прошлым, потому, как справедливо замечает Н. В. Сыров, «...все эти создаваемые или потребляемые конфигурации памяти могут вообще не иметь точек соприкосновения» (2021, с. 89).

Еще одним следствием цифровизации является изменение темпорального режима и фактическое устранение линейного времени. О начале подобных процессов ввиду глобализации в конце прошлого века пронизательно писал П. Нора (2005, с. 396–398), однако окончательное оформление

они получили именно с развитием цифровых технологий, то есть в условиях той самой глобитальности. В современных исследованиях речь идет не о вневременном характере мемориального пространства, а о сети микро-темпоральностей (Parikka, 2017, p. 157), то есть о сосуществовании разных временных режимов и произвольном переключении между ними: прошлое существует не в составе оперативной памяти индивида, а открывается ему по запросу (Ernst, 2017, p. 146). Все это позволяет Э. Хоскинсу заявить о том, что главным игроком в мемориальном пространстве сегодня оказывается не индивид с внутренней работой памяти и не архивное свидетельство, связанное с внешним носителем, а сеть гиперсвязей, в которой то и другое неразрывно переплетено (2017b, p. 11).

Итак, цифровизация влечет за собой новые формы существования памяти: мемориальное поле достигает универсализации, но не однородности — стираются пространственные и временные границы, однако признается принципиальная множественность и вариативность прошлого, различные сценарии обращения к нему. При этом прошлое по большей части сопричастно повседневности в скрытом и опосредованном режиме, доступ к нему актуализируется по запросу и в краткосрочном периоде. Все эти замечания в целом согласуются с характеристиками дискурса, который был сформирован новыми медиа, но не объясняют, что именно вызывает к жизни механизм культуры отмены.

Представляется, что конфликтная природа кэнселлинга обусловлена сугубо человеческим фактором, а ее источником, на наш взгляд, служат некоторые традиционные функции памяти, которые сохраняются за ней даже при новом дискурсивном режиме. Одной из таких функций будет формирование исторической идентичности — особенно острая ввиду трансформации социального пространства проблема. Напомним, что глобитализация характеризовалась переходом от устойчивых и ясно определенных централизованных форм коллективной памяти к разнородным неустойчивым формам множественной памяти, а значит, потребность в точке опоры также возростала. Однако ввиду тотальной фрагментарности речь теперь шла уже не о точке, а о точках опоры — возникла необходимость гибкой, адаптивной идентичности.

Для объяснения такого состояния мемориального пространства и осуществляемых в нем практик Д. А. Аникин вводит понятие фронта: «В условиях рассогласованности политических, социальных и символических границ фронт становится местом для осуществления “войн памяти” в силу претензий различных сообществ на общие места памяти, но также он выступает и в качестве буферной зоны, способной породить гибридные формы мемориальных практик» (2020, с. 18). Возможность осуществлять гибридные формы мемориальных практик является признаком гибридной идентичности, в рамках которой формируется способность к рекомбинации элементов локального и глобального дискурсов (Iyall Smith, 2008, p. 3–4). Чем же в таком

случае является культура отмены — осознанной практикой поведения в мемориальных конфликтах или ошибкой при формировании гибридной идентичности? Представляется, что оба варианта могут быть верны. Для доказательства этого тезиса обратимся к анализу роли культуры отмены в формировании исторической идентичности нового типа.

Новые медиа в новом режиме дискурса выступают площадкой складывания идентичностей: предоставляют возможности для их строительства и перманентной пересборки. Культура отмены является маркером такой пересборки — одновременно и способом манифестации, и источником исторической идентичности, ее двоякая роль для нас особо важна.

Как источник исторической идентичности, культура отмены активизирует алгоритмы доступа к памяти: своевременно меняет режим видимости какого-то исторического факта или события, находящегося в архиве, предлагая его в качестве значимой единицы для пересборки. В этом смысле уместна аналогия с рынком: история выступает товаром, за лучшие единицы которого идет бойкая торговля, а продавцы находятся в состоянии конкуренции. И именно конкурентная логика присуща культуре отмены как форме манифестации: в рамках защиты интересов только что осуществленной пересборки идентичности ее носитель стремится не только повысить собственные ставки, но и вытеснить с рынка конкурентов — то есть отменить. Схема гибридизации, которую Р. Робинсон метко описал как синхронное взаимодействие двух процессов — универсализации партикулярного и партикуляции универсального (1992, р. 11), — ломается, активным остается лишь первый процесс из двух, что сводит на нет все позитивные достижения цифровизации.

Заключение

Цель статьи состояла в критическом анализе культуры отмены как одного из инструментов формирования и трансляции исторической идентичности в цифровом пространстве и за его пределами. В ходе анализа мы выяснили, как работает механизм культуры отмены, и в рамках мемориальной исследовательской парадигмы функционально определили ее как источник и способ манифестации новой исторической идентичности.

Анализ выявил ряд закономерностей и противоречий. С одной стороны, культура отмены соответствует структурной организации новых медиа, выступает характерной для них дискурсивной практикой, а потому оказывается эффективна в трансформирующемся посредством цифровизации социальном пространстве — не только внутри медиареальности, но и за ее пределами. С другой стороны, культура отмены противоречит ценностным установкам, которые лежат в основе регулирования нового социального пространства. Культура отмены, таким образом, работает по принципу троянского коня: разворачиваясь в пространстве новых медиа, она реализует предоставляемые ими стратегии, но лишь для того, чтобы нейтрализовать их. Однако сама эта

нейтрализация может состояться лишь ситуативно — для того, чтобы реализовать сильную программу действий и осуществить отмену в долгосрочной перспективе, культуре отмены не хватает ресурса. Децентрированное и разрозненное пространство, в котором она осуществляется, рекомбинирует результаты ее деятельности почти сразу же после того, как они достигнуты. В этом смысле культура отмены оказывается краткосрочным дискурсивным коллапсом, который никогда не доходит до своего предела.

Тем парадоксальнее выглядят попытки реорганизации мемориального поля с помощью культуры отмены. Угроза отмены и недопуска на суд истории перестает выглядеть реальной ввиду устранения из активной памяти идеи линейного времени: новый дискурс убирает прошлое в архив, а будущее за горизонт планирования, поскольку сосредоточен на актуальном моменте. Потому новые формы хранения и передачи памяти диктуют инструментальность и нейтральность. Этому способствует децентрированность многопоточного пространства больших и малых фрагментов прошлого, сосуществующих в виде микронарративов, из которых каждый волен создать уникальный коллаж. В то же время опосредованность прошлого в ситуации, когда субъект уже не является носителем памяти, а пользуется алгоритмами для доступа к ней, должна затруднять применение эссенциальной логики культуры отмены и побуждать к большей рефлексивности. Перефразируя известный афоризм: алгоритмы, получившие в теории цифровой памяти ведущую роль, не выходят на улицы, не обладают эмоциональной реакцией и не чувствуют потребности в моральной регуляции мемориального пространства с опорой на историческую идентичность. Новый дискурс не стимулирует к реализации культуры отмены. В этом смысле она оказывается либо субъективной ошибкой при формировании характерной для нового дискурса гибридной идентичности, либо эффективным способом манипуляции.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Список литературы

- Bouvier, G., & Machin, D. (2021). What gets lost in Twitter 'cancel culture' hashtags? Calling out racists reveals some limitations of social justice campaigns. *Discourse & Society*, 32(3), 307–327. <https://doi.org/10.1177/0957926520977215>
- Clark, M. D. (2020). DRAG THEM: A brief etymology of so-called “cancel culture”. *Communication and the Public*, 5(3–4), 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>
- Demsar, V., Ferraro, C., Nguyen, J., & Sands, S. (2023). Calling for Cancellation: Understanding how Markets Are Shaped to Realign With Prevailing Societal Values. *Journal of Macromarketing*, 43(3), 322–350. <https://doi.org/10.1177/02761467231168874>

- Ernst, W. (2017). Tempor(e)alities and Archive-Textures of Media-Connected Memory. In *Digital Memory Studies* (pp. 143–156). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235-6>
- Friedman, L. W., & Friedman, H. H. (2008). The New Media Technologies: Overview and Research Framework. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1116771>
- Hoskins, A. (2017a). Memory of the Multitude: The End of Collective Memory. In *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 85–110). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235>
- Hoskins, A. (Ed.). (2017b). The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media. In *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 1–24). Routledge. <https://doi.org/10.3726/978-3-0351-0704-3>
- Iyall Smith, K. E., & Leavy, P. (2008). Hybrid Identities: Theoretical Examinations. In *Hybrid Identities: Theoretical and Empirical Examinations* (pp. 1–11). Brill. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004170391.i-411.6>
- Lyotard, J.-F., & Thebaud, J.-L. (1985). *Just Gaming*. University of Minnesota Press.
- Manovich, L. (2003). New Media From Borges to HTML. In *The New Media Reader* (pp. 13–25). Cambridge.
- Parikka, J. (2017). The Underpinning Time: From Digital Memory to Network Microtemporality. In *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 156–173). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235-7>
- Phelan, S. (2023). Seven theses about the so-called culture war(s) (or some fragmentary notes on 'cancel culture'). *Cultural Studies*, 1–26. <https://doi.org/10.1080/09502386.2023.2199309>
- Pressman, J. (2014). Old Media/New Media. In *The Johns Hopkins guide to digital media* (pp. 365–367). Baltimore. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937080.001.0001>
- Reading, A. (2016). Global Memory. In *Gender and Memory in the Global Age* (pp. 39–59). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-35263-7_3
- Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. Sage Publications.
- Аникин, Д. А. (2020). Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти. *Журнал Фронтальных Исследований*, 5(2), 12–25. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.201>
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Языки славянской культуры.
- Барт, Р. (1989). Смерть автора. В *Избранные работы: Семиотика, поэтика* (с. 384–392). Прогресс.
- Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляция*. Постум.
- Делёз, Ж., & Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. «У-Фактория», «Астрель».
- Керкхоф, Д. (2013). Итак, Маклюэн? Всё ещё мёртв? В *Антология медиафилософии: Сборник статей* (с. 248–259). Антология медиафилософии: сборник статей.
- Маклюэн, М. (2001). *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. Ника-Центр.
- Маклюэн, М. (2003). *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
- Нора, П. (2005). The Global Rise of Remembrance. В *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* (с. 391–402). Новое литературное обозрение.

- Павловский, А. Ф. (2023). Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: Куда ведет цифровой поворот в memory studies? В *Память в Сети: Цифровой поворот в memory studies: Сборник статей* (с. 7–48). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Савчук, В. В. (2013). *Медиафилософия. Присуп реальности*. Издательство РХГА.
- Сыров, В. Н. (2021). К вопросу об особенностях формирования распространения и трансляции памяти в сетевом пространстве. *Вестник Томского государственного университета*, 462, 87–95. <https://doi.org/10.17223/15617793/462/11>
- Фуко, М. (1996). Порядок дискурса. В *Воля к истине: По ту сторону знаний, власти и сексуальности. Работы разных лет* (с. 47–96). Касталь.

References

- Anikin, D. A. (2020). Frontier Issues in Cultural Memory Research. *Journal of Frontier Studies*, 5(2), 12–25. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.201> (In Russian).
- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. *Yazyki slavyanskoy kul'tury*. (In Russian).
- Barthes, R. (1989). The Death of the Author. In *Selected Works: Semiotics, Poetics* (pp. 384–392). Progress. (In Russian).
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulation*. Postum. (In Russian).
- Bouvier, G., & Machin, D. (2021). What gets lost in Twitter 'cancel culture' hashtags? Calling out racists reveals some limitations of social justice campaigns. *Discourse & Society*, 32(3), 307–327. <https://doi.org/10.1177/0957926520977215>
- Clark, M. D. (2020). DRAG THEM: A brief etymology of so-called “cancel culture”. *Communication and the Public*, 5(3–4), 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. U-Faktoriya, Astrel'. (In Russian).
- Demsar, V., Ferraro, C., Nguyen, J., & Sands, S. (2023). Calling for Cancellation: Understanding how Markets Are Shaped to Realign With Prevailing Societal Values. *Journal of Macromarketing*, 43(3), 322–350. <https://doi.org/10.1177/02761467231168874>
- Ernst, W. (2017). Tempor(e)alities and Archive-Textures of Media-Connected Memory. In *Digital Memory Studies* (pp. 143–156). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235-6>
- Foucault, M. (1996). Poryadok diskursa. In *Volya k istine: Po tu storonu znaniy, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* (pp. 47–96). Kastal'. (In Russian).
- Friedman, L. W., & Friedman, H. H. (2008). The New Media Technologies: Overview and Research Framework. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1116771>
- Hoskins, A. (2017a). Memory of the Multitude: The End of Collective Memory. In *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 85–110). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235>
- Hoskins, A. (Ed.). (2017b). The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media. In *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 1–24). Routledge. <https://doi.org/10.3726/978-3-0351-0704-3>

- Iyall Smith, K. E., & Leavy, P. (2008). Hybrid Identities: Theoretical Examinations. In *Hybrid Identities: Theoretical and Empirical Examinations* (pp. 1–11). Brill.
<https://doi.org/10.1163/ej.9789004170391.i-411.6>
- Kerckhof, D. (2013). Itak, Maklyuen? Vse eshche mertv? In *Antologiya mediafilosofii: Sbornik statey* (pp. 248–259). Antologiya mediafilosofii: sbornik statey. (In Russian).
- Lyotard, J.-F., & Thebaud, J.-L. (1985). *Just Gaming*. University of Minnesota Press.
- Manovich, L. (2003). New Media From Borges to HTML. In *The New Media Reader* (pp. 13–25). Cambridge.
- McLuhan, H. M. (2001). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Nika-Tsentr. (In Russian).
- McLuhan, H. M. (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man*. KANON–press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russian).
- Nora, P. (2005). The Global Rise of Remembrance. In *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* (pp. 391–402). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Parikka, J. (2017). The Underpinning Time: From Digital Memory to Network Microtemporality. In *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 156–173). Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9781315637235-7>
- Pavlovskiy, A. F. (2023). Vvedenie. Tsifrovye ramki kollektivnoy pamyati: Kuda vedet tsifrovoy povorot v memory studies? In *Pamyat' v Seti: Tsifrovoy povorot v memory studies: Sbornik statey* (pp. 7–48). Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Phelan, S. (2023). Seven theses about the so-called culture war(s) (or some fragmentary notes on 'cancel culture'). *Cultural Studies*, 1–26. <https://doi.org/10.1080/09502386.2023.2199309>
- Pressman, J. (2014). Old Media/New Media. In *The Johns Hopkins guide to digital media* (pp. 365–367). Baltimore. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937080.001.0001>
- Reading, A. (2016). Global Memory. In *Gender and Memory in the Global Age* (pp. 39–59). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-35263-7_3
- Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. Sage Publications.
- Savchuk, V. V. (2013). *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti*. Izdatel'stvo RKhGA. (In Russian).
- Syrov, V N. (2021). On the Specificity of the Formation, Distribution and Translation of Memory in the Network Space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 462, 87–95.
<https://doi.org/10.17223/15617793/462/11> (In Russian).